

Уна Тарвин

18+

20 сигарет

Уна Тарвин
20 сигарет

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тарвин У.

20 сигарет / У. Тарвин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

20 сигарет, десяток воспоминаний и одна история. Юность, велики, кофе, учеба, разговоры под звездами... и кое-что еще.

Полная пачка

Том вскрывает пачку сигарет, выходя из подземки. Пальцы нащупали ярлычок от пленки еще в кармане – вот она, мышечная память. Триста лет не курил, а заглянул в киоск – и выпалил привычное заклинание раньше, чем успел подумать:

– «Мальборо лайтс» и зажигалку, пожалуйста.

...Даже зажигалки остались ровно такими же. У Яна была понтоватая стальная «Зиппо», а он так и перебивался копеечными «Крикетами», вечно их теряя.

«Зиппо», кстати, он Яну и подарил.

19

– Ян Вилкинс, – невысокий парень с умными глазами протянул ему руку.

Это было в первый учебный день. Университет, как новая одежда – красивый, вымечтанный, но еще как будто чужой – натирал и топорщился во всех местах. Когда рыжий сосед справа обернулся, комментируя фразу лектора, Том не мог избавиться от чувства, что его принимают за кого-то другого, но, конечно, ответил – и, видимо, в тему, раз беседа имела продолжение.

– Том. Томас Шеридан, – он улыбнулся, отвечая на рукопожатие, и непонятно почему ему вдруг стало легко. Может, потому что именно в этот момент удалось поймать внутри ускользающую уверенность, что он на своем месте, что эти стены еще станут ему домом.

18

Шерри и Вилли. Они придумали эти прозвища, дурачась и подкалывая друг друга, в первый же день – а потом весь кампус стал их так звать, в глаза и за глаза. Им было по барабану. Через пару дней Тому казалось, они знают друг друга всю жизнь. Они быстро стали неразлучны, легко обросли компанией, освоились на кампусе и, конечно, моментально съехались, когда выяснили, что оба любят учиться по ночам, тайком от соседей курят в комнате и разбрасывают вещи в хаотичном подобии расходящихся по воде кругов.

Ян был светлой головой, полным стипендиатом, и Том поначалу тушевался рядом с ним, мучительно ощущая нехватку эрудиции – пока через пару недель не выяснилось, что ему на порядок лучше дается латынь. Языки и философия стали вотчиной Тома, за логику и римское право отвечал Ян, историю недолюбливали оба, а литература вызывала жаркие споры, не прекращавшиеся иногда ни за обедом, ни в пабе, ни во втором часу утра – даром, что каждого ждала еще груда несделанных работ.

17

«Студенчество – особая жизнь, причудливо переслоенная самоотверженной тягой к лучшей версии себя, трудной, азартной работой ума на грани фанатизма, бессонными ночами над бесконечными страницами – и самой бесшабашной и бессовестной формой лени, праздности и тяги к развлечениям».

Том откладывает ручку и тянется за сигаретами. Этот выпуск пойдет в эфир на следующей неделе, нужно только доделать пару подводок. Новый учебный год. Новое вино в старые мехи, новые юные заполонят те стены, что когда-то отражали и их голоса.

...Их мозги перегревались и вскипали, и тогда – а иногда и просто так, без видимых причин – они откидывались на спинки стульев, разминая затекшие плечи, выглядывали в окно, откликаясь на зов, затевали возню с перекидыванием мятых бумажек, шатались из паба в паб в самой разгульной компании, какую могли найти – или брали велики и уматывали на целый день куда-нибудь в парк или даже за город.

Том любил эти солнечные дни, ветер в лицо, когда разгонишься с длинного спуска, и хочется зажмуриться и орать во всю глотку какую-нибудь дурь, и запах лета, щекодавший нос, когда, вконец обессилив, они валились на траву в таком месте, где больше никому не пришло бы в голову расположиться, чтобы читать Оруэлла, или Кьеркегора, или историю философской мысли раннего Средневековья.

Просто им было тогда по восемнадцать лет.

16

Том накидывает куртку и спускается вниз покурить. Славные забытые ночные прогулки.

В небе над Лондоном даже в ясную ночь звезд почти не видно. Лондон дышит своей собственной жизнью, звезды ему ни к чему.

В Лидсе, где они учились, со звездами тоже было не особо. Зато какое небо было в Корнуолле – щедро, горстями рассыпанная по черному бархату серебряная крошка.

Летом после первого курса он гостил там у Яна. Дом был слишком велик; Том чувствовал себя там самозванцем. И еще эти обеды с родителями! Впрочем, они мало времени проводили в доме, пользуясь предоставленной им свободой на всю катушку. В то лето у обоих, наконец, завелись *отношения*, и они бесконечно зависали: то в общей тусовке, на пляже, в клубе, то в кино, то в кафешке, встречаясь пара на пару – то уединялись со своими девчонками при каждом удобном случае. Смеясь, подтрунивая друг над другом, делили запасы презервативов – почему-то всегда получалось, что они в достатке только у кого-то одного.

У Тома, вообще-то, не особо складывалось с девушками. Но это лето, его первое лето у моря, разливало вокруг какую-то скользкую, ветреную летучесть, заряжавшую все, что он делал. Он сам удивлялся – тому, что Крис сразу выделила его, как и он ее, и своему куражу и тому, что его комплименты и ухаживания достигали цели; и тому, как легко все получилось, когда они в первый раз оказались одни в прохладном полумраке лодочного сарая.

По правде говоря, там и был его первый раз, и только Ян об этом знал. Том чувствовал иногда, как это знание натягивалось между ними тонкой нитью – когда поначалу Ян оглядывался на него вопросительно, как смотрят на кого-то дорогого, тревожась, понравится ли ему в новой компании, и позже, когда иной раз он спиной ощущал на себе Янов будто опекающий, подбадривающий взгляд, и это было и тепло, и невыносимо.

Том платил ему тем единственным платежным средством дружбы, которого у него было в достатке: тем, что тоже знал и хранил его секреты.

Он помнил один вечер из того лета. Ян где-то раздобыл косячок, и они валялись вдвоем на пустом берегу, негромко перекидываясь словами в том блаженном покое, что оставляла по себе неведомая сила, отступая в такт угасанию зеленоватой волны.

Тогда Ян рассказал ему кое-что о себе. В первый год они все рассказывали друг другу, будто каждый нашел в другом, наконец, того единственного благодарного слушателя, которому важно и не все равно. История Яна была про Шарлотту – его недостижимую звезду, по которой он отчаянно и безнадежно сох добрых пять лет, к чьим ногам складывал все достижения и победы, прочитанные книги и внезапные озарения.

Шарлотта была его старше, и старше непреодолимо. Все кончилось тем, что она поцеловала Яна в лоб, ласково бросила ему «Подрасти!» и выпроводила вон из своей жизни.

Том смотрел, как густой, даже в сумерках заметный румянец пятнами выступает на скулах его друга, слушал сбивчивое горькое признание в том, как жалко и мучительно долго Ян не мог ее отпустить, как и вправду надеялся дорасти до своей *la belle dame*, дотянуться до манящей и недоступной вершины.

Потом Ян умолк, и Том протянул руку и крепко сжал его плечо, и Ян в ответ потерся щекой о его пальцы, и ничего больше не нужно было говорить.

Там, над морем, были лучшие в мире звезды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.